

Три доклада и один терапевтический процесс

Васильева Екатерина Игоревна

[об авторе](#)

В этом году меня глубоко затронул доклад Владимира Николаевича Шлыкова «Внутриутробное развитие и постнатальные уровни психической организации». Конечно же, важность внутриутробного развития для психики неоспорима, но в этом докладе Владимир Николаевич показал такое глубокое осмысление темы, что половина аудитории наглядно продемонстрировала: тема сложная и затрагивает каждого. Кто-то засыпал, кто-то просто отвлекался. Было легко и сложно одновременно уследить за докладчиком, последовать за ним в глубины бессознательного, такого знакомого и такого неизвестного.

Я вспомнила и живо представила свою клиентку, у которой все в жизни было очень сложно, с надрывом. В детстве ее избивали и мать, и бабушка, и отчим. Мне вспомнился еще один факт: отец избивал ее мать, когда та была беременна моей клиенткой. В каком триместре это происходило? Это имеет значение для того, чтобы понять, какие реакции бессознательно возникают у этой молодой женщины сейчас в отношениях с людьми, которые имеют на нее какое-то влияние. Ее отца посадили в тюрьму, и нашла она его только через 18 лет, когда приехала в город поступать в институт.

На второй день конференции попала я к Т. Ю. Гунар, которая рассказывала про отсутствующего отца, физически и/или эмоционально, и его влияния на детей: «Безотцовщина — шансы на социализацию? И как болезнь может заменить отца?». Слушаю доклад, и опять в голове возникает моя клиентка. Дети испытывают агрессию к отсутствующим отцам, но не осознают ее, и перенаправляют на мать, а еще сильно идеализируют того отца, которого не было. И, действительно, агрессия моей клиентки на отсутствующего отца превращается в его идеализацию. Когда моя клиентка нашла отца, она как будто обрела семью заново. У него к тому времени была уже третья жена, двое ее дочерей, он ходил в церковь, и моя клиентка пошла вслед за ним. Пришла к Богу, вроде все было хорошо, и она даже ощущала полноту некоторое время, но всё рушилось. Перед приходом к аналитику в течение полугода ей было невозможно просто жить. Утром уже хотелось заснуть, чтобы быстрее прошёл день. А вечером она не могла ничего делать, только плакала и плакала.

Она вышла замуж за прекрасного мужчину, обвенчалась с ним в церкви, забеременела, но случилась замершая беременность. Потом, уже в терапии, она поняла, что ужасно злится. Что приступы ее агрессии невозможно выносить никому из ее родных и друзей, а принцип смирения, о котором твердили батюшки в церкви, давил на нее так, что она чувствовала себя полностью раздавленной.

Первый год анализа прошёл в абсолютной идеализации аналитика, который точно знает и понимает, что с ней происходит. Постепенно проговаривая все, что она чувствует, клиентка поняла, что никто, кроме нее, не знает ее лучше, чем она сама. И потихоньку мы стали замечать, что агрессия к аналитику проявляется, хотя бы в сновидениях.

В одном сновидении какая-то ее коллега топила аналитика. В другом, аналитик что-то говорила так, что клиентка не понимала ни слова, и смогла топнуть ногой и сказать: я ничего не понимаю! Так выразила свою злость. Обсуждая сновидения, мы понимали, как сложно ей выразить что-то плохое

даже в терапии, в этом вроде бы безопасном пространстве, где ее поддерживают. А потом она забеременела. И это стало новым периодом в нашей работе.

С одной стороны, все то, о чем говорил В. Н. Шлыков, касается ребёнка, который развивается внутри неё. С другой стороны, все, что всколыхнулось в ней во время беременности, те негативные эмоции, которые были подавлены многие годы, относятся к ней лично. Не к ребенку. И возникает страх, что ее агрессия отразится на ребенке, он все это чувствует и может пострадать. В прошлую, замершую беременность, клиентка тоже замечала приступы страшной агрессии, и тогда ребёнок не дожил и до 9 недель. В этот раз мы пережили 9 недель, проговаривая злость и ненависть на мужа в кабинете.

После доклада Н. М. Ошурковой «Разрешение переносов» я задалась вопросом: как я могу помочь клиентке? Она повреждена, ей надо проработать свою ярость, но она беременна. То есть, сейчас она и влияет на своего ребёнка своей «поврежденностью», и прорабатывает свои негативные эмоции одновременно. Наталья Моисеевна рассказывала про виды переноса и формирование психики во время беременности. И про то, как прорабатывать очень сложные вещи вместе с клиентом, а подчас и вместо клиента, размещая его переживания (перенос) внутри своего психического пространства. Но нужно понимать какие функции формируются в каком триместре.

Три дня докладов и мастер-классов уложились в голове таким образом, что клиентка получила «супервизорскую поддержку». Пришло понимание: помогая ей проработать и восполнить ее дефициты, мы, таким образом, поможем и более гармоничному (насколько это возможно) внутриутробному развитию ее ребёнка.

По прошествии трех дней конференции у меня сложилось ощущение: какими бы ни были техники работы и теории изучения психики человека, цель у нас одна — помочь нашим клиентам чувствовать себя гармоничной личностью, которая может справляться с выпадающими на ее долю трудностями и с собственными реакциями. ■